

Л. В. СОКОЛОВА

Композиция «Слова о полку Игореве»

Вопрос о композиции — ключевой для понимания «Слова о полку Игореве». Без ясного представления о том, как построено «Слово», невозможно правильно определить, устным или литературным, эпическим или лиро-эпическим, прозаическим или стихотворным произведением «Слово» является, в каком жанре и когда оно создано. Выяснение цели создания «Слова» и определение его главного героя тоже невозможно без предварительного анализа композиции памятника. Наконец, самым непосредственным образом от результатов анализа композиции «Слова» зависит наше представление об истории его текста. Напомню, что некоторые из исследователей не считали известный нам текст «Слова» авторским. Одни при этом видели в нем компиляцию из ранее существовавших песен со вставками составителя, другие полагали, что авторский текст существовал, но был позднее сильно искажен пропусками, вставками, перестановками.¹ Е. В. Барсов, автор фундаментального исследования «Слова» конца XIX в., написал по этому поводу следующее: «Где является недостаток понимания, там недостает лишь достаточного изучения. Предположения в тексте пропусков, вставок, глосс < . > обусловлены именно недостатком понимания „Слова“ в его целом и частях. Такие гадания свидетельствуют лишь о том, как недалеко еще ушла наша ученая литература в художественном его разумении».²

Исследователи XIX и XX вв. много сделали для анализа композиции известного нам текста «Слова о полку Игореве».³ Их работы способст-

¹ См об этом Творогов О В 1) История текста «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб 1995 Т 2 С 320—324, 2) Перестановки в тексте «Слова» // Там же Т 4 С 78—83

² Барсов Е В Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси М, 1887 Т 2 С 1—2

³ Не претендуя на исчерпывающий список работ, затрагивающих вопрос композиции «Слова», укажу только те, в которых композиция сохранившегося списка рассматривается как авторская Максимович М А Пѣсь о полку Игоревѣ (Из лекций о русской словесности, читанных 1835 года в университете св Владимира) // ЖМНП 1836 № 4 Отд 2 С 13—22, Дубенский Д Слово о пльку Игоревѣ, Святъслава пѣтворца старого времени М, 1845 С LVII, Буслаев Ф И Рец на кн «Слово о пльку Игоревѣ», объясненное по древним письменным памятникам магистром Д Дубенским М, 1844 // Москвитянин 1845 Ч 1 № 1 Критика С 29—40, Барсов Е В Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси Т 2 С 1—81, Abicht R «Слово о пльку Игоревѣ» Das Lied von der Heerschaar Igorj's Abdruck der editio princeps nebst altslovenischer Transscription und Commentar Leipzig, 1895 S 29—31, Шамбинаго С К 1) «Слово о полку Игореве» / Ред, перевод и объяснения приват-доцента С К Шамбинаго М, Универсальная б-ка, 1912 (5-е изд — 1917), 2) Слово о полку Игореве // История русской литературы / Под ред А Е Грузинского, акад Д Н Овсяннико-Куликовского и проф П Н Са-

вовали пониманию того, что текст «Слова» — единое художественное целое, все части которого взаимосвязаны, что кажущиеся «нелогичности» на самом деле целесообразны и преднамеренны. Однако вопрос о композиции «Слова» нельзя считать решенным, поскольку до сих пор нет четкого представления о том, из каких композиционных частей состоит «Слово», каков художественный план произведения, какие принципы лежат в основе его композиции. По всем этим вопросам высказаны различные точки зрения, и ни одна из них не стала пока общепринятой.

Еще Д. Дубенский выделил в «Слове» три части: 1) Поход, битвы, плен Игоря; 2) Сон и слово Святослава, плач Ярославны; 3) Возвращение Игоря. Ф. И. Буслаев внес в это деление два изменения: из первой части он выделил вступление и перенес плач Ярославны из второй части в третью. Е. В. Барсов наряду с выделением вступления выделил и заключение, а также указал «переходы» между частями. Б. Н. Двинянинов и Л. В. Кулаковский возвращаются к делению текста на три части, не выделяя из них вступление и заключение. И. П. Еремин, напротив, считал, что «Слово» состоит из вступления, лиро-эпической «повести» и заключения. Деление же «повести» на три части он отрицал; по его мнению, «повесть» распадается на ряд эпизодов, представляющих каждый относительно замкнутое целое. Исследователь исходил при этом из сопоставления композиции «Слова» с произведениями торжественного красноречия.

Границы между тремя частями повествования исследователи определяют по-разному. Например, похвалу князю Святославу за поход 1184 г. одни исследователи относили к первой части (Е. В. Барсов), другие — ко второй (С. К. Шамбинаго, Л. В. Кулаковский). То же самое с плачем Ярославны: одни исследователи включали этот фрагмент во вторую часть

кулина Т. И. История русской литературы до XIX в. / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1916. С. 170—187, 3) «Слово о полку Игореве» История и характеристика текста // Слово о полку Игореве. М., Л. Academia, 1934. С. 187—192, Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы. Пг., 1922. С. 191, Ржигла В. Ф. 1) Композиция «Слова о полку Игореве» // Slavica Praga, 1925. Roč 4, seš 1. S. 44—62, 2) «Слово о полку Игореве» как поэтический памятник Киевской феодальной Руси XII в. // Слово о полку Игореве. М., Л. Academia, 1934. С. 165, Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М., Л., 1946. С. 22—37 (Глава IV Поэтический план «Слова о полку Игореве»), Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // «Слово о полку Игореве» Сб. исследований и статей. М., Л., 1950. С. 93—129, Лихачев Д. С. 1) Слово о походе Игоря, Игоря сына Святослава, внука Олегова (Объяснительный перевод) // Слово о полку Игореве. М., Л., 1950. С. 76—101, 2) Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // РЛ. 1983. № 4. С. 9—21, 3) Композиция «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб., 1995. Т. 3. С. 67—69, Wollman S. Slovo o pluku Iгореvэ jako umělecké dílo Praha, 1958, Двинянинов Б. Н. Принцип трехчленности в плане и композиции «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. Тамбовского гос. пед. ин-та Воронеж, 1958. Вып. 12. С. 137—182, Дмитриев Л. А. Принцип трехчленности в композиционном построении «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М., Л., 1960. Т. 16. С. 606—610, Стеллецкий В. И. Драгоценный памятник русской литературы // Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. М., 1965. С. 20—24, Klein J. Zur Struktur des Igorlieds. Munchen, 1972, Кулаковский Л. В. Песнь о полку Игореве. Опыт воссоздания модели древнего мелоса. М., 1977, Демкова Н. С. 1) Повторы в «Слове о полку Игореве» (К изучению композиции памятника) // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 59—73, 2) Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 82—97, переизданы в кн. Демкова Н. С. Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 18—33, 33—76, Творогов О. В. Композиция «Слова» // История русской литературы X—XVII веков. М., 1980. С. 127 (в главе I Литература XI—начала XIII в.), Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984. С. 211—232, Чернов А. Слово о золотом слове. В помощь лектору. М., 1985. С. 19—20, Николаева Т. М. 1) Функционально-смысловая структура антитезы и повторов в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» Комплексные исследования. М., 1988. С. 103—124, 2) «Слово о полку Игореве» Поэтика и лингвистика текста, «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 1997.

(Д. Дубенский, М. Максимович), другие — в третью (Ф. И. Буслаев, Е. В. Барсов). В. М. Истрин, не усмотрев причинно-следственной связи между плачем Ярославны и бегством князя Игоря, выделял плач Ярославны особо; в связи с этим основную часть «Слова» он делил не на три, а на четыре «отдела». Эпизод пленения Игоря, включаемый обычно в первую часть, М. Максимович относил ко второй части. Это связано с тем, что в основу членения «Слова» на три части им были положены три главных факта, связанных с Игорем: 1) Поход на половцев; 2) Игорь в плену половецком (сюда включались и эпизод пленения Игоря, и плач Ярославны); 3) Возвращение Игоря на Русь. Современный переводчик «Слова о полку Игореве» С. Златорунский первую часть заканчивает словами «Никнет трава от жалости, / И древо скорбно к земле преклонилось». Авторское отступление о деве Обиде, повествование о последствиях Игорева похода и рассказ о походе Святослава на половцев 1184 г. он включает во вторую часть.⁴

По-разному определяют исследователи также границы вступительной и заключительной частей «Слова». Одни считают вступлением текст до слов: «Почнемъ же, братие...», другие — текст до сцены солнечного затмения, третьи включают в него и сцену солнечного затмения, и отступление о Бояне до слов «Трубы трубить въ Новѣградѣ...», Д. Дубенский включал во вступление и последующий текст: речь Всеволода с похвалой курянам-кметям (само вступление он не выделял из первой части «Слова»). Заключительной частью считается либо текст со слов «Рекъ Боянь и Ходына...», либо текст со слов «Солнце свѣтитса на небесѣ...», либо только заключительная здравица князьям и дружинам.

Еще больше разногласий в делении каждой из трех частей на более мелкие части,⁵ которые называются в разных исследованиях по-разному. Коллебания встречаем даже в разных работах одного автора. Так, М. Максимович в статье 1836 г. и в переводе «Слова» на русский язык 1837 г. разделил текст на 14 глав, а в переводе на украинский язык 1857 г. — на 20 глав, при этом сгруппировав их в три части (в первой и второй частях — по 8 глав, в третьей части — 4). С. К. Шамбинаго в 1912 г. делил текст на 16 разделов, группируя их в три части, а в 1934 г. — на 24 раздела (в первой части было 6 пунктов, стало 9; во второй части было 4 пункта, стало 8, в третьей части было 6 пунктов, стало 7). Ив. Новиков выделял в ранней редакции перевода 11 глав, а в поздней — 12 глав. В. Ф. Ржига выделял в первой и второй частях по 12 более мелких частей, а в третьей — 8 частей.

Наряду с трехчастным и четырехчастным (В. М. Истрин) делением основной части предлагалось также пятичастное членение. Б. Н. Двинянин обратил внимание на то, что в первом издании текст разбит абзацами на 7 периодов, среди которых — вступление (до слов «Они же сами княземъ славу рокотаху») и заключительная часть (со слов «Рекъ Боянь и ходы на...»). На 5 разделов, обрамленных «запевом» в начале и «славой» в конце, делит «Слово» и Б. А. Рыбаков.⁶ Его деление отличается от деления первых издателей, но и то и другое не обосновано.

⁴ Слово о полку Игореве / Перевод С. Златорунского. Воронеж, 1998.

⁵ Следует сказать, что первоначальным было деление «Слова» не на три части, а на 14 глав. Так делил текст М. Максимович в переводе «Слова» на русский язык 1837 г. В дальнейшем было принято в переводах деление «Слова» на 12 (реже 11) разделов. М. Максимович, вероятно, первым объединил деление «Слова» на три части и на ряд глав, сгруппировав в переводе 1857 г. 20 глав в три части.

⁶ Рыбаков Б. А. Перепутанные страницы. О первоначальной конструкции «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 51.

Б. Н. Двинянинов в статье 1958 г. показал многообразие предложенных композиционных членений «Слова», продемонстрировав тем самым их субъективность. Вызвал критику и слишком дробный план «Слова», предложенный самим Двиняниновым.⁷ После его статьи сама возможность и целесообразность композиционного членения текста «Слова» по тематическому принципу были подвергнуты сомнению. Обсуждение поставленного в статье Б. Н. Двинянинова вопроса о принципах описания композиции «Слова» было продолжено в других работах.

В. И. Стеллецкий отмечает, что при известном сходстве композиции «Слова» и летописной воинской повести композиция «Слова» значительно сложнее композиции летописного рассказа. В связи с этим В. И. Стеллецкий задается вопросом о «происхождении», «истоках» композиции «Слова». Он ссылается на Б. Н. Двинянинова, который в своем исследовании «убедительно показал, что для древнерусских произведений церковного ораторского искусства <...> характерен принцип трехчленности». И далее В. И. Стеллецкий, казалось бы, приходит к выводу о том, что «подобно этим (т. е. ораторским. — Л. С.) произведениям» для «Слова» характерен принцип трехчленности. Прежде всего он традиционно различает в Слове вступление, основную часть и заключение. Основную часть он также традиционно делит на три части (первая — до Сна Святослава, вторая — до Плача Ярославны). Каждую из частей В. И. Стеллецкий делит уже по своему усмотрению на более мелкие части, которые называет «поведаниями»; в первой и второй частях он выделяет по три «поведания», а в третьей, «не поддающейся трехчастному членению», — две: Плач Ярославны и описание бегства Игоря. На основании своего деления частей на «поведания» В. И. Стеллецкий делает неожиданный вывод, что «принцип трехчленности, характерный для произведений церковного ораторского искусства, здесь отнюдь не выдержан». По мнению В. И. Стеллецкого, «композиция „Слова“ прихотлива, мозаична и зависит не от дальнейшего членения его на части, а построена на ином принципе, а именно на принципе вольных строф, объединяющихся в группы или комплексы, посвященные тем или иным темам и подтемам». Эта композиция свидетельствует, по словам В. И. Стеллецкого, о том, что «автор писал свое „Слово“ во вдохновенном порыве, согласно сложившейся традиции строфического строения военных песен, а не по заранее обдуманному рассудочному, схоластическому плану, как писались церковные сочинения».⁸

Рассуждения В. И. Стеллецкого крайне противоречивы. Охарактеризовав композиционное построение «Слова», он далее отрицает наличие «схоластического плана» в нем. Указав, что, подобно произведениям ораторского искусства, «Слово» делится на три части, при этом основная часть тоже трехчастна, он тут же утверждает, что принцип трехчленности в «Слове» отнюдь не выдержан. Возражая против дальнейшего деления трех частей по тематическому признаку (несмотря на то что сам же делит их на «поведания»), В. И. Стеллецкий тут же говорит об объединении «вольных строф» в «группы или комплексы, посвященные тем или иным темам и подтемам». Вероятно, В. И. Стеллецким руководила в данном случае не логика, а желание доказать, что автор «Слова» следует в построении своего произведения не церковным произведениям, а строфической традиции воен-

⁷ См. Дмитриев Л. А. Принцип трехчленности в композиционном построении «Слова о полку Игореве» С. 606—610

⁸ Стеллецкий В. И. Драгоценный памятник русской литературы С. 22

ных песен. Истоки этой традиции В. И. Стеллецкий видит в песнопениях Бояна.

Резко высказался против традиционного метода описания сюжетной композиции «Слова» Б. Гаспаров. Он предпослал своим рассуждениям о композиции «Слова» небольшую главу в своей книге, названную им «Принципы описания композиционной структуры „Слова о полку Игореве“». ⁹ Главный упрек Б. Гаспарова исследователям, вычлняющим в тексте «Слова» «самое разное число частей, разделов и подразделов», заключается в том, что «эти разделы выделяются по чисто тематическому принципу и представляют собой не что иное, как последовательные фазы развития основного сюжета, с вставными эпизодами в качестве интерлюдий. Любое расчленение такого типа относится к чисто внешнему содержанию произведения, а не к его собственно поэтической форме. В сущности, такой анализ равнозначен простому пересказу сюжета, только с разделением его на то или иное количество „глав“ и „параграфов“. Число таких „глав“ остается совершенно произвольным, поскольку их выделение не связано с какими-либо признаками, которые были бы релевантны для поэтической формы произведения». На этом основании Б. Гаспаров предлагает иной принцип описания композиционной структуры «Слова».

Б. Гаспаров применяет при изучении поэтики «Слова» семиотический подход, т. е. «подход к художественному тексту с точки зрения имманентных структурных связей и соотношений между его элементами». Одним из «наиболее простых и очевидных аспектов структуры текста» Б. Гаспаров считает описание композиции произведения. ¹⁰ При этом исследователь утверждает, что «анализ композиции „Слова“ необходимо должен базироваться на предварительном описании поэтики произведения. Только в результате такого описания мы получаем возможность судить, какие сегменты текста можно считать повторениями, вариантами, противопоставлениями с точки зрения внутренней логики поэтической структуры». ¹¹ Ответ на эти вопросы позволит, по словам исследователя, конкретизировать проблему композиционного членения, связав ее с другими параметрами художественной формы.

На самом же деле в исследовании Б. Гаспарова происходит, по нашему мнению, подмена анализа композиции анализом мотивных «фигур» и различного рода переключек между фрагментами текста. Попытка вычлнить в тексте «Слова» маргинальные части, основываясь на анализе поэтической структуры, заканчивается неудачей. Вычленение общих мотивов в начальной и заключительной частях «Слова» (мотивов солнца и Бояна) служит для Б. Гаспарова «формальным приемом, позволяющим установить границы маргинальных частей композиции „Слова“». Исследователь указывает и другой принцип, позволяющий вычлнить начальный и конечный разделы текста: «оба они лежат за пределами циклического сюжета, составляющего основу произведения»: мифологического путешествия-возвращения. Однако, руководствуясь этими принципами, Б. Гаспаров неверно определяет вступительную часть «Слова» (интродукцию), включая в нее и начало повествования о походе со сценой солнечного затмения и даже часть авторского отступления о Бояне — до слов «Игорь ждет мила брата Всеволода». Таким образом, сцена солнечного затмения, *входящая* в рассказ о мифологическом путешествии-возвраще-

⁹ Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве» С 212—215

¹⁰ Там же С 10—11

¹¹ Там же С 215

нии, оказывается, по Гаспарову, за пределами этого рассказа. Заключительная часть «Слова» («кода») начинается, по мнению Б. Гаспарова, со слов «Рекъ Боянь и ходы на Святъславля...». Однако вслед за изречением Бояна (и Ходыны) следует фрагмент, представляющий собой заключительный этап «мифологического путешествия-возвращения»: солнце вновь сияет на небе, а Игорь-князь — вновь в Русской земле! В этом фрагменте содержится очень важное сообщение о приезде Игоря в Киев, к великому киевскому князю Святославу, о вселенской радости по поводу возвращения Игоря. Таким образом, этот фрагмент нельзя выносить за пределы циклического сюжета, повествующего о мифологическом путешествии-возвращении.

Результатом анализа композиционной структуры «Слова» является у Б. Гаспарова вывод о том, что одним из основных, устойчивых приемов в композиции «Слова» является «принцип зеркально-симметричного построения». В частности, мотив затмевающегося солнца в начальной части и мотив сияющего солнца в заключительной части «Слова» (интродукции и коде, по терминологии Б. Гаспарова) образуют «симметричную рамку, которая замыкает всю композицию». Картины похода и битвы на Каяле (т. е. цепь событий, приводящих главного героя в потусторонний мир) и картины побега (возвращение героя из потустороннего мира) «образуют между собой симметричные части композиции, соотношение между которыми носит такой же зеркально-симметричный характер, как соотношение между образами затмения и светящегося солнца в интродукции и коде». Зеркально-симметричное построение «Слова» имеет, по словам исследователя, вполне определенную поэтическую функцию. Композиция «Слова» символически отражает основную идею произведения: мифологическую цикличность гибели и спасения, ухода в потусторонний мир и возвращения в мир живых. Вывод о присутствии в «Слове» кольцевого композиционного мотива затмевающегося и вновь сияющего солнца, параллелью которому является мотив «умирающего» (попадающего в плен) и «воскресающего» (возвращающегося из плена) князя, интересен сам по себе.¹² Но он не дает ответа на вопрос о том, как построено «Слово», из каких композиционных фрагментов оно состоит, какова его «композиционная модель».

Из изложенного ясно, что исследование композиции «Слова о полку Игореве» зашло в тупик. Поэтому, прежде чем начать анализ композиционной структуры «Слова», необходимо сделать некоторые предварительные замечания теоретического характера.

1) Существует *два аспекта* в изучении сюжетной композиции «Слова». Одни исследователи выясняют, *как делится* композиционно текст «Слова» по тематическому принципу. Другие исследователи показывают, *как связаны* между собой композиционные части «Слова». Оба эти аспекта равно важны, и нельзя подменять один другим, как это делает Б. Гаспаров, руководствуясь структурным подходом к «Слову о полку Игореве». При этом анализ того, как делится текст по тематическому принципу, не может строиться на анализе структурных связей и соотношений между его элементами, в том числе на анализе композиционных мотивов. Этот путь привел Б. Гаспарова к ошибочным выводам относительно границ маргинальных частей «Слова».

¹² На этот композиционный мотив, «отмечающий собой начало и конец собственно повествования», указали в свое время А. М. Панченко и И. П. Смирнов. См. Панченко А. М., Смирнов И. П. *Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в.* // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 43.

2) В «Слове», как в любом стихотворном тексте, есть *два вида композиции*: сюжетная и стиховая, которые следует различать, но не противопоставлять, как это делает В. И. Стеллецкий. Самыми малыми единицами сюжетной композиции являются, на мой взгляд, тематические блоки, называемые исследователями по-разному: «песнями», «главами», «строфическими отрезками» и иначе. Я предлагаю называть элементы сюжетной композиции *композиционными фрагментами*, ибо «Слово» создано одним автором без каких-либо вставных песен. Композиционный фрагмент — это конечный элемент *сюжетной* композиции, далее не делимый. Строфа — это уже элемент *стиховой* композиции, хотя в ее основе лежит прежде всего смысловой принцип: строфа представляет собой законченное высказывание, сопоставимое с абзацем в прозаическом тексте. В «Слове» элементы сюжетной и стиховой композиции соподчинены. композиционные фрагменты состоят из одной или нескольких строф. По сути дела, вопрос о стиховой композиции — это вопрос о стихе «Слова», о принципах деления стихотворного текста на ритмические единицы (стихотворные строки) и их объединении в строфы. Как уже отмечалось, пока не предложено четкого критерия выделения композиционных фрагментов, в связи с этим некоторые исследователи смешивают деление на композиционные фрагменты и строфы, выделяя как элемент композиции в одних случаях композиционный фрагмент, а в другом случае часть композиционного фрагмента (строфу).

3) Необходимо различать, но не противопоставлять *две задачи* анализа сюжетной композиции «Слова», которые можно рассматривать как два последовательных этапа описания сюжетной композиции памятника. Первый этап — это выделение композиционных фрагментов, на которые делится текст «Слова». Исследователи выделяют разное число композиционных фрагментов (песен, глав), от 11 до 41. Различие объясняется тем, что совсем не простой задачей является определить, представляет тот или иной текст один композиционный фрагмент или его следует разделить на два, а то и несколько композиционных фрагментов. Деление текста «Слова» на композиционные фрагменты осложнено также тем, что исследователи до сих пор не решились однозначно вопрос о границах некоторых фрагментов: отступления о Бояне, речи бояр, толкующих сон Святослава, злата слова Святослава, речи Игоря, обращенной к Донцу, и др.

Второй этап описания сюжетной композиции «Слова» — это реконструкция того композиционного *плана*, отдельными пунктами которого являются композиционные фрагменты «Слова». ¹³ Как уже отмечалось, Стеллецкий отрицал наличие «схоластического плана» в «Слове». В трудах же М. Максимова, С. К. Шамбинаго, В. Ф. Ржиги, А. С. Орлова, Б. Н. Двинянинова был поставлен вопрос о плане «Слова» как важном элементе композиции памятника. По мнению А. С. Орлова, «Слово» написано по плану, который заслуживает особого внимания. Но при этом, по словам ученого, «отвлечь план из сплошной, целой ткани памятника, отразить в плане художественную структуру произведения является нелегкой задачей». ¹⁴ Между тем задача эта очень важна, поскольку именно

¹³ Различие этих двух задач, двух подходов к описанию композиции «Слова» иногда воспринимается как описание композиции «с различной степенью детализированности — от простейшей разбивки текста на несколько компактных в тематическом отношении разделов до более сложных многоступенчатых моделей» См. Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игореве» С. 13

¹⁴ Орлов А. С. Слово о полку Игореве С. 23. Общим недостатком многих схем «Слова» А. С. Орлов считал «дробность отделов, их многочисленность (12—20 и более), не-

воссозданный авторский план «Слова» поможет понять поэтический (риторический) принцип построения памятника.

Наша работа посвящена выяснению того, как делится текст «Слова». При этом речь пойдет только о сюжетной (точнее, тематической)¹⁵ композиции памятника. Что же касается стиховой композиции, присущей «Слову» как любому поэтическому произведению, то это тема особой работы. Анализ композиционной композиции имеет три задачи: 1) выяснить, на какие композиционные фрагменты делится текст «Слова»; 2) восстановить композиционный план «Слова»; 3) сформулировать основные принципы композиции «Слова», расположения и взаимосвязи его частей.

Приступая к анализу тематической композиции «Слова», надеемся пойти дальше «общих деклараций о его „художественном единстве“ и разбивки текста на большее или меньшее число разделов, выделяемых по чисто тематическому принципу».¹⁶

* * *

По нашему делению, «Слово о полку Игоре» состоит из трех частей: Вступления, Основной части (Повествования) и Концовки. Основная часть (Повествование) в свою очередь состоит из пролога, эпилога и трех разделов, первый поэтически рассказывает о походе Игоря и его последствиях, в центре второго — «злато слово» Святослава, а третий поэтически повествует о возвращении Игоря из плена. Каждый из трех разделов Повествования делится на подразделы.

Минимальной единицей композиционной структуры «Слова» является композиционный фрагмент. Весь текст «Слова» делится, по нашему мнению, на 25 композиционных фрагментов. Рассмотрим кратко все эти фрагменты, определим их место, границы и художественную функцию в произведении. Обосновать наше деление текста удобнее всего, сопоставляя его с делением Д. С. Лихачева, наиболее авторитетного исследователя «Слова» XX в., который в своем объяснительном переводе «Слова» выделил 41 тематический композиционный фрагмент.¹⁷

I. Начинается «Слово» Вступлением,¹⁸ в котором автор, следуя книжной традиции, размышляет, какого принципа изложения придерживаться. Автор высказывает здесь решимость начать свою песнь «по былинам сего

четкость иерархического взаимоотношения отделов и незаконченность их сведения к основным разделам плана» (Там же С 28)

¹⁵ По отношению к «Слову» правильнее говорить о *тематической* композиции, поскольку основной сюжет автор перебивает повествованиями о событиях иного времени и иного места (так называемые пространственные и временные депрессии повествования)

¹⁶ Гаспаров Б. Поэтика «Слова о полку Игоре» С 212—213

¹⁷ Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря, Игоря сына Святослава, внука Олегова (Объяснительный перевод) С 76—101 Следует, однако, иметь в виду, что Д. С. Лихачев делит «Слово» на фрагменты в связи с задачами *объяснительного перевода*

¹⁸ Вступительную часть «Слова» часто называют «зачином» Однако если следовать «пенной» терминологии, то следует иметь в виду, что в фольклорных песнях-старинах (былинах) и украинских думах зачином называется вступительная часть, связанная с сюжетом, т. е. экспозиция, а вступительная часть, не связанная непосредственно с сюжетом, называется запевом. Так что Вступление в «Слове», посвященное выбору автором стиля повествования, правильнее называть запевом, а не зачином. М. Максимович именно так — запевом — называет первую главу в своем переводе, но включает в нее и фрагмент, являющийся зачином. Интересно, что В. И. Чичеров в соответствии с приемами былевого эпоса делит введение на «запев» и «зачин» (в него он включает фрагмент II) См. Чичеров В. И. История древней русской литературы. Конспект курса с методическими указаниями для заочников педагогических институтов М., 1947 С 53—54

времени», «старыми словами скорбных повестей о походе Игорево, Игоря Святославича», т. е. следуя за летописными повестями о походе Игоря, а «не по замыслению Бояна».¹⁹ Автор «Слова» характеризует далее Бояна как песнетворца, способного, подобно шаману, путешествовать по мировому древу, как хранителя поэтической традиции, как песнетворца, чьи вещи персты князьям славу рокотали, когда он возлагал их на живые (проворные, быстрые) струны.²⁰ Но при этом остается непонятным, почему автор отказывается петь «по замыслению Бояна». Автор объяснит это далее, в авторском отступлении, посвященном Бояну.

II. Повествование о походе Игоря начинается *экспозицией*, или *прологом*. Автор определяет здесь границы своего повествования (от «старого Владимира до нынешнего Игоря») и сообщает о том, что Игорь, отточив свой ум, как оттачивают перед сражением меч,²¹ повел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую. Таким образом, сообщение о подготовке Игоря к походу и выступлении в поход дано одной фразой: отточил свой ум и повел свои полки на землю Половецкую

III. Третий фрагмент представляет собой *завязку действия*. Автор говорит здесь о солнечном затмении и приводит речь Игоря, обращенную к дружине: понимая зловещий смысл предзнаменования, Игорь выбирает «меньшее» из зол: «уж лучше убитым быть, нежели полоненным быть!». Страстное рыцарское желание сразиться с врагом овладело Игорем, и эта страсть «заслонила» зловещее предзнаменование. Игорь, словно забыв о предзнаменовании, говорит о своем желании испытать Дон великий, копье преломить в краю поля половецкого, о своей готовности либо голову сложить, либо испить шоломом Дону, т. е. одержать победу. Он призывает воинов сесть на коней и продолжить поход на Дон. Выбор Игоря в решающую минуту и определяет дальнейший ход событий.

Таким образом, повествование о походе Игоря начинается с картины солнечного затмения, заставшего Игоря в пути, перед переправой через Донец. Это не случайно: солнечное затмение в начале повествования об истории Игоря и сияющее солнце в конце — это кольцевой композиционный мотив произведения.

IV. После фрагмента, являющегося завязкой действия, идет первое авторское отступление, по теме связанное с запевом «Слова». Автор размышляет здесь о том, как бы Боян спел о походе Игоря. Он сочиняет две песни в стиле Бояна. Одна из них — припевка, краткая и емкая, словно эпиграмма: «Не буря соколов занесла через поля широкие — галочы стада бегут к Дону великому». Вторая песня в стиле Бояна — хвалебная, она включает в себя похвалу Всеволода курьянам-кметям.

В этом фрагменте автор «Слова» уже иначе, чем в запеве, говорит о Бояне: он как бы оспаривает представление о нем как о шамане, способном к путешествию по мировому древу. По его словам, Боян не мысью-

¹⁹ Подробнее см. об этом Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игоре» // Исследования «Слова о полку Игоре» Л., 1986 С. 65—74

²⁰ Обычно считается, что «они же сами» (рокотуху) относится к струнам, но, как отмечено в комментарии Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина, местоимения «они» и «сами» стоят в форме мн. ч. м. р. См. Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игоре» // Слово о полку Игоре Л., 1985 С. 443 (Б-ка поэта Большая сер.) Так понимал это выражение и Н. М. Карамзин «сочинитель хвалит *соловья* старого времени, стихотворца Бояна, которого *вещи персты*, летая по *живым струнам*, *рокотали* или гласили *славу* наших витязей»

²¹ Е. В. Барсов указывает параллель этому выражению в древнерусском переводе повести Иосифа Флавия о разорении Иерусалима «Подъострите души ваша на мьсти» См. Барсов Е. В. Слово о полку Игоре как художественный памятник Киевской дружинной Руси М., 1887 Т. I С. 261

белкой растекается по мировому древу, а соловьем скачет по мысленному, поэтическому древу; не орлом летает он под облаками, а умом; не сам он волком рыщет по земле, а мысль поэта устремляется к истокам Киевской земли, к времени переселения полян с полей на (Киевские) горы Сила Бояна — не в перевоплощении, а в мудрости, знании истоков, таланте певца.

Почему же в таком случае автор отказывается петь по замыслу Бояна? На мой взгляд, потому, что Боян, следуя традиции языческих певцов с их магическими песнями, пел в жанровом отношении нечто однозначное: либо славу, либо хулу — в зависимости от своего замысла, «замышления». В качестве примера автор и сочиняет две песни в адрес Игоря от лица Бояна. Автор же «Слова» намерен слагать песнь, следуя исторически достоверным рассказам о событии («былинам»).

Необходимо обосновать предлагаемые мной границы второй песни в стиле Бояна, которая обычно считается гораздо более краткой. Одни исследователи (в частности, О. В. Творогов) ограничивают ее двустихием («Кони ржут за Сулою — звенит слава в Киеве!»), другие (в частности, Д. С. Лихачев) четверостишием, добавляя к двум приведенным строкам еще две: «Трубы трубят в Новеграде, / стоят стяги в Путивле!». Однако в обоих случаях разбивается единый фрагмент, сжато повествующий о причинах и трех этапах Игорева похода: когда кони ржут за Сулою (русские дружины идут в поход на половцев) — тогда слава звенит в Киеве. Вот почему «трубы трубят в Новеграде» (объявлен сбор войск Игорем); «стяги стоят в Путивле» (войска Игоря, Владимира и Святослава встретились в Путивле); «Игорь ждет мила брата Всеволода» (Игорь ждал несколько дней Всеволода у Оскола). Далее следует речь прибывшего к Осколу Всеволода, который шел иным путем из Курска.²² Он обратился к Игорю с речью, предлагая седлать коней, добавив, что его кони готовы, оседланы еще под Курском, а его куряне — готовы к походу. И так, в песне от лица Бояна сжато говорится о причине похода и о трех этапах похода, включая встречу братьев у Оскола. Выделив в авторское отступление весь этот фрагмент, мы увидим, что предшествующий ему и следующий за ним тексты образуют единое целое — повествование о солнечном затмении и решении Игоря продолжить поход. Предшествующий авторскому отступлению фрагмент начинается словами: «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце. », а последующий — словами: «Тогда вступи Игорь князь въ златѣ стремьнь. ». В этом случае никакой непоследовательности в начале повествования нет, и предлагавшаяся перестановка

²² Исследователи обычно считают, что Всеволод произносит свою речь при встрече братьев до начала похода. А С Орлов полагал, что эта встреча Игоря и Всеволода произошла в Путивле, во время сборов в поход. По словам Д. С. Лихачева, в этой речи «Всеволод одобряет намерение своего брата Игоря выступить в поход». Д. С. Лихачев высказывал также предположение, что это беседа двух братьев, находящихся на огромном расстоянии друг от друга. Показательно недоумение И. П. Еремина по поводу рассматриваемого фрагмента: «Игорь ждет мила брата Всеволода. Где „ждет“, откуда „ждет“, почему „ждет“ — неясно. Не ясна и непосредственно следующая за ней фраза „И рече ему буй тур Всеволод“ (далее обращение Всеволода к Игорю). Значит ли она, что Всеволод уже прибыл к Игорю и лично обращается к нему, или здесь имеется в виду обычная в практике между княжеских отношений той эпохи речь, переданная послом? Возможно и то и другое толкование этого „рече“ < > здесь характерная для автора „Слова“ недомолвка, именно поэтому и допускающая различное толкование данного эпизода» (Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. С. 105). Однако по летописной повести известно, что Всеволод шел иным путем, из Курска, и встреча его с другими участниками похода произошла у Оскола.

фрагмента о Бояне, разрывающего сцену солнечного затмения,²³ — результат непонимания авторской композиции. А что получается, если считать речь Всеволода, обращенную к Игорю, авторским повествованием о походе? Получается, что автор: 1) сначала рассказал о солнечном затмении, заставшем войско князя Игоря в пути *через неделю* после выступления в поход; 2) потом вдруг перескочил к рассказу о сборах Игоря в поход, о выступлении в поход из Путивля и встрече со Всеволодом у Оскола; 3) а затем вернулся к сцене солнечного затмения, к Игорю, решившему продолжать поход, невзирая на предзнаменование. Трудно предположить такие скачки в авторском тексте. В связи с этим и предлагалась перестановка в начале «Слова». Кроме того, гораздо логичнее считать бравадную речь Всеволода, состоящую из общих мест дружинной поэзии,²⁴ частью хвалебной песни, спетой автором от лица Бояна, нежели повествованием автора, решившего следовать «былинам сего времени».²⁵

Д. С. Лихачев, рассматривающий рассказ о встрече Игоря и Всеволода как начало авторского повествования о походе Игоря, выделяет этот рассказ в особый композиционный фрагмент, в чем, по нашему мнению, нет необходимости.

V. В пятом фрагменте рисуется символическая картина движения Игоря войска по «чистому полю». День солнечного затмения сменяется не менее тревожной ночью, которая угрожающими стопами птиц разбудила. Пробудился и Див, кличет на дереве, предупреждая о походе Игоря все половецкие кочевья и то божество («болвана»), под чьим покровительством находится Тмуророкань — цель Игоря похода. И половцы, услышав предупреждение Дива, побежали непроторенными дорогами к Дону великому, глубже в степь. Далее изображается символическое поведение зверей и птиц, предвещающее грозную, кровавую сечу. Завершается этот фрагмент возгласом автора: «О Руская земле! Уже за шеломянем еси!». Это означает, что русские воины («Русская земля»)²⁶ уже за пограничным валом, на вражеской территории, полной для них опасностей. Этот возглас автор повторит еще раз (в конце седьмого фрагмента), что позво-

²³ Эту перестановку без пояснений сделал в своем издании Ем Партицкий См Партыцкий Ом Слово о полку Игоревом Львив, 1884 С 12 С обоснованием этой перестановки выступил В А Яковлев См Яковлев В А Слово о полку Игореве СПб, 1891 С IX Впоследствии эту же перестановку предложил А И Соболевский Он обосновал ее не только логикой повествования, но и палеографически См Соболевский А И Материалы и заметки по древнерусской литературе XVIII К «Слову о полку Игореве» // ИОРЯС 1916 Т 21, кн 2 С 210—213 Перестановку поддержали также В Н Перетц (он предложил другое кодикологическое обоснование) и Н К Гудзий См Перетц В Слово о полку Игоревим Пам'ятка феодальної України—Руси XII віку / Вступ Текст Коментар Київ, 1926, Гудзий Н К О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве Сб исследований и статей М, Л, 1950 С 249—254 Перестановку приняли в своих изданиях «Слова» также И П Еремин (1957), О В Творогов (1980) и другие исследователи В настоящее время эта перестановка многими исследователями считается неоправданной

²⁴ См об этом Михайлов А Д Об одной старофранцузской параллели «Слову о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» Л, 1986 С 87—90

²⁵ О В Творогов пишет «В радостных тонах рисует автор встречу Игоря и Буй Тура Всеволода, восторженно характеризует удалых „кметей“ (воинов) куран Тем резко контраст с последующим рассказом о грозных знаменьях, которыми отмечено начало Игоря похода и которые предвещают его трагический исход» См Творогов О В Композиция «Слова» С 124

²⁶ Именно так понимал выражение «Русская земля» в данном контексте Е В Барсов Это толкование нам представляется более удачным, чем распространенное толкование этого выражения в значении территории Русской земли, оставшейся, скрывшейся за пограничным холмом Однако смысл авторского восклицания в любом случае один и тот же русские воины уже на вражеской территории, где их подстерегает опасность

ляет осмысливать его как рефрен, заключающий два сходных по настроению фрагмента, повествующих о тревожных предзнаменованиях.

VI. Шестой фрагмент посвящен описанию первого, победного, боя русских с половцами на рассвете в пятницу. Он начинается с описания наступающего утра: ночь бледнеет (редеет, меркнет ночная тьма); заря свет зажгла; туман поля покрыл. Щекот соловьиный затиш, говор галок пробудился.²⁷ Русичи этим ранним утром изготовились к бою, великие поля червлеными щитами перегородив, а затем «потоптали» поганые полки половецкие, взяв богатую добычу, злато, паволоки, аксамиты. А червленый стяг, белая хоругвь, червленая челка, серебряное стружие — храброму Святославичу. Здесь тот же поэтический прием, что и при описании наступающего утра: знамя половецкое, преподнесенное как военный трофей Игорю, не называется, а описывается, называются разные его части: красный стяг — древко знамени,²⁸ белая хоругвь — белое полотнище половецкого знамени; красная челка — бунчук; серебряное стружие — серебряное навершие древка знамени.²⁹ Некоторые исследователи видят здесь несколько предметов, что явно ошибочно. В существовании половецких знамен не может быть сомнения, автор «Слова» говорит о них далее: половецкие стяги (знамена), с которыми половцы идут на русские полки, говорят (свидетельствуют): «Половцы идут от Дона, и от моря...».

Д. С. Лихачев в объяснительном переводе разбивает этот фрагмент на два: в первый выделяет описание наступления ночи и утра, а во второй — описание первого победного боя спозаранок в пятницу. Однако, как уже сказано, здесь нет описания ночлега: описывается наступление утра, неразрывно связанное с повествованием о произошедшем этим ранним утром сражении.

VII. Далее повествуется о ночевке русских воинов в поле половецком в ночь с пятницы на субботу и о тревожном рассвете. Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. А в это время Гзак и Кончак бегут к Дону великому, к месту ночевки Игоря. И потому — снова тревожные предзнаменования, символическая картина сливается с реальной: рано утром кровавые зори рассвет возвещают, черные тучи (они же половцы) с моря идут, готовые прикрыть четырех князей-солнц. И уже нет сомнения: быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого! Завершается этот фрагмент, как и пятый фрагмент, заключительным аккордом, рефреном: «О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!».

²⁷ Вслед за Н. Н. Зарубиным (см. Зарубин Н. Н. Заря утренняя или вечерняя? (Из комментария к «Слову о полку Игореве») // ТОДРЛ Л., 1935 Т. 2 С. 95—155) исследователи обычно видят в этом фрагменте последовательное описание вначале наступающей ночи, а затем наступающего утра. Эта точка зрения, отразившаяся и в объяснительном переводе «Слова» Д. С. Лихачева, представляется мне ошибочной.

²⁸ Слово «стяг» имело несколько значений. Прежде всего оно означало военное знамя в целом. Но оно означало также «шест, жердь», в том числе и древко знамени. Л. Яковлев в статье «Русские старинные знамена» пишет: «Первые христианские стяги русских состояли из длинного древка, стяга собственно, к которому прикреплялось полотно, кусок ткани яркого цвета < >, острожек, которым вооружался верхний конец стяга, стали также заменять крестом, под острожком подвизывалась челка, окрашенная яркою краскою». Цит. по кн. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» Л., 1978 Вып. 5 С. 246.

²⁹ Обоснование именно такого значения слова «стружие» см. Соколова Л. В. Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ СПб., 2003 Т. 53 С. 35—36. На миниатюрах Радзивилловской летописи у знамен копьевидное навершие. А. А. Гогешвили предполагает на этом основании, что полотнище знамени крепилось к древцу боевого копья (см. Гогешвили А. А. Три источника «Слова о полку Игореве» М., 1999 С. 384). Однако в «Слове» говорится о серебряном стружии.

Нет основания разделять седьмой фрагмент на два (описание ночевки в поле «Ольгова гнезда» и описание утренних тревожных предзнаменований), как это делает Д. С. Лихачев. Тревожные предзнаменования связаны именно с тем, что во время ночевки русского войска в поле полковком половцы окружают русских.

VIII. Восьмой фрагмент символически описывает второе сражение русских с половцами: ветры веют с моря стрелами на полки Игоря, земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает. Знамена («стяги») полковские показывают, что половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон русские полки обступили.³⁰ Символом доблести и мужества русских воинов в бою выступает князь Всеволод, который сражается, мстя за раны дорогого брата, забыв о почестях и жизни, об отчем золотом столе черниговском, о свычаях и обычаях своей милой жены, красной Глебовны.

Выражение «Кая раны дорога братіе, / забывь чти и живота, / И града Чрънигова отня злата стола, / И своя милья хоти, красныя Глѣбовны, / Свычая и обычая!» до сих пор не получило удовлетворительного объяснения. Были предложены различные объяснения формы «кая» (глагол, деепричастие, частица) и смысла этого слова, по-разному исправлялось словосочетание «дорога братіе». Это выражение следует, вероятно, переставить, поставив его после строки «Гремлещи о шеломи мечи харалужными», а словосочетание «кая раны дорога *братіе*» читать как «кая раны дорога *брата*». В таком случае Всеволод мстит за те же раны «дорогого брата» Игоря, отомстить за которые призывает князей Святослав в своем «золотом слове». Авторский текст был, по нашему мнению, таким: «Ярь туре Всеволодѣ! / Стоиши на борони, / Прыщещи на вои стрѣлами, / Гремлещи о шеломи мечи харалужными, / Кая раны дорога брата, / Забивь чти и живота, / И града Чрънигова отня злата стола, / И своя милья хоти, красныя Глѣбовны, / Свычая и обычая!». В таком случае «кая» и «забивь» — два деепричастия, два обстоятельства действия.

Автор использует здесь рыцарскую средневековую формулу поведения воина в бою, отраженную в русской и восточной средневековых литературах. Д. С. Лихачев указал на отражение этой формулы воинской чести в древнерусской литературе: в поучении Феодосия Печерского и в летописи.³¹ Ё. Накамура приводит к этому месту параллель из японской «Повести о доме Тайра», созданной в самом начале XIII в.: «В старину полководец, выезжающий из столицы с повелением разгромить государевых врагов, знал три вещи: в тот день, когда ты пожалован командирским мечом, забудь свой дом; покидая свой дом, забудь жену и детей; когда же на поле брани сражаешься с противником, забудь о самом себе».³²

Каким образом произошла перестановка рассматриваемого выражения *внутри фрагмента* о Всеволоде? Вероятно, когда рыцарская эпоха ушла в прошлое и рыцарская формула воинской чести была забыта, один из переписчиков решил объединить воедино гиперболическое описание

³⁰ Слово «отступиша» первого издания исследователи исправляют на «оступиша», поскольку слово «плькы», как отмечали лингвисты, это форма винительного, а не именительного падежа. Вероятно, первые издатели неверно прочли слово «оступиша» с омегой, приняв последнюю за лигатуру «омега плюс т» (или эта лигатура стояла уже в рукописи вместо омеги). См. Мещерский Н. А., Бурькин А. А. Проблема критического текста «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» Л., 1986 С. 96

³¹ Лихачев Д. С. «Слово» и эстетические представления его времени // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени Л., 1985 С. 67

³² Накамура Ё. «Слово о полку Игореве» и «Повесть о доме Тайра» Сравнение с точки зрения системы цветов // Слово о полку Игореве. Комплексные исследования М. 1988 С. 82

сражающегося Всеволода и только потом сказать, о чем забыл Всеволод во время сражения. Реконструируемая нами композиция этого фрагмента подтверждается и тем, что в этом случае фрагмент о Всеволоде получает характерную для «Слова» кольцевую композицию: он начинается и заканчивается словами «Яръ туре Всеволодъ!».

Д. С. Лихачев выделяет описание сражающегося Всеволода в особый фрагмент. Но это лишь частный эпизод второго сражения, поэтому обобщеннее рассматривать его в рамках восьмого фрагмента.

IX. После этого, *кульминационного*, момента в рассказе о походе Игоря идет второе отступление от сюжета, посвященное времени Олега Святославича, деда Игоря и Всеволода. По теме оно связано с основной частью повествования о походе (напомню, что первое отступление продолжало тему вступления). Битва на Каяле оказывается, в интерпретации автора «Слова», тесно связанной с событиями вековой давности: посеянные тогда стрелы в междоусобных войнах горем взошли по Русской земле, отозвались в судьбе внуков.

Б. А. Рыбаков переносит этот фрагмент вместе с фрагментом о Все-славе («исторические фрагменты») в начало произведения, пытаюсь таким образом восстановить хронологическую последовательность: вначале повествование о времени дедов, потом — о времени внуков. Однако при этом не учитываются жанровые особенности «Слова»: это не историческая или воинская повесть, а поэма, лиро-эпическое произведение, для которого характерны авторские отступления (временные и пространственные деградации), художественный прием замедления повествования (ретардация).

X. Десятый фрагмент продолжает обобщенно-символическое описание второго боя, от кульминации до *развязки действия*. Автор говорит об жесточенности боя, о попытке Игоря вернуть полки дрогнувших ковуев, сообщает о поражении Игоря и о гибели русских воинов за землю Русскую. Нет оснований разбивать этот фрагмент вслед за Д. С. Лихачевым на два: 1) жесточенность битвы Игорева полка и 2) поражение войск Игоря.

XI. После развязки действия следует третье авторское отступление от основного сюжета. По теме это третье отступление связано с заключительным фрагментом повествования (см. фрагмент XII). Автор, как и во втором отступлении, обращается к теме княжеских междоусобиц, но теперь в связи с тем, что они открывают для врагов ворота на Русскую землю. Пытаясь понять и объяснить причины того, что пустыня сокрыла русское войско («силу»), он создает яркий образ персонифицированной обиды (раздора, вражды), возникшей вначале среди князей, княжеских дружин («въ силахъ Дажьбожа внука»), потом мифической девой Обидой вступившей на землю Трояню, т. е. Русскую землю, став причиной ее разорения. Затем обида обернулась лебедем (тотем, символ половцев-куманов), всплеснула лебедиными крылами на синем море у Дона (место обитания половцев); плещучи,³³ обида пробудила богатые времена для половцев. Далее автор «Слова» раскрывает смысл этой символической картины: война князей с «погаными» прекратилась, ибо сказал брат брату: это мое, а то — мое же. И начали князь про малое — «се великое» — говорить и сами на себя крамолу ковать. А «поганые» со всех

³³ Мотив резкого движения, плеска «при активном субъекте < > получает значение внешне-агрессивного (агрессивного) распространения, нападения» См Гаспаров Б Поэтика «Слова о полку Игореве» С 111

сторон приходили с победами на землю Русскую (тем и пробудили для себя обильные времена).

Обычно этот XI фрагмент исследователи включают в описание *последствий* Игорева похода, тогда как, по нашему мнению, речь здесь идет о *причинах* поражения и гибели Игорева полка: о княжеских распрях, о взаимных княжеских «обидах». В ретроспективе показано зло, нанесенное взаимными княжескими обидами, горестные последствия которых нарастали, как снежный ком.

XII. Последствия же поражения Игоря описаны автором в двенадцатом фрагменте. Карна (мифологическое или поэтическое олицетворение плача по умершему) голосит по погибшим, Желя (мифологическое или поэтическое олицетворение скорби, траура) скачет по Русской земле, неся с собой смагу — горечь, боль, тоску, материальным воплощением которых служит застилающий небо черный дым от горящей в роге смолы-смаги. Далее — толкование этой символической картины: жены русские оплакивают погибших воинов (Карна), по Русской земле широко течет печаль (Жля/Желя). А затем автор снова, как и в предыдущем фрагменте, и даже в сходных выражениях говорит о нашествии на Русскую землю «поганых», теперь уже как о *последствиях* Игорева похода: «А князи сами на себе крамолу коваху, / А погании сами, / Побѣдами нарищуше на Рускую землю, / Емляху дань по бѣль от двора».

Д. С. Лихачев разбивает этот фрагмент на два: 1) Оплакивание погибших в бою ратников Игоря и 2) Последствия поражения Игоря («А вьстона бо, братіе, Кієвь туюю...»). Однако оплакивание погибших воинов — это тоже последствие поражения Игоря.

XIII. Тринадцатый фрагмент представляет собой *резюме* первого раздела Повествования, итоговые размышления автора. Автор говорит о том, что Игорь и Всеволод своим походом пробудили зло («лжу»), которое усыпил было их феодальный отец, Святослав грозный великий Киевский, «наступив» на землю Половецкую. Поэтому дружественные русским европейские народы — немцы и венецианцы, греки и моравы — поют славу Святославу, кают князя Игоря, который потопил русское богатство: на дно Каялы, реки половецкой, русского золота насыпал.³⁴ Еще один итог похода — сам Игорь пересел из золотого (княжеского) седла в седло кощеево (пленника, невольника).

XIV. Второй раздел Повествования начинается фрагментом, называемым «Сон Святослава». Святослав рассказывает на княжеской думе свой тревожный символический сон, а его приближенные, бояре, истолковывают этот сон, сопоставляя символические картины сна с реальными событиями Игорева похода и его последствиями.³⁵ Этот фрагмент — прелюдия к центральному по значимости фрагменту — «золотому слову» Святослава. Сон Святослава, созданный автором, призван подчеркнуть роль Святослава как старейшины князей, ответственного за все, что происходит в Русской земле, поднять престиж великого киевского князя и обосновать его право на «злато слово».

³⁴ Разумеется, никакого золота Игорь в половецкую реку Каялу не сыпал. Вероятно, «насыпать золота» в реку противника, «потопить богатство» во вражеской реке на символическом языке означало обогатить врага, потерпев от него поражение. Противоположное значение имел фразеологизм «испить шеломом» из вражеской реки одержать победу над врагом на его территории.

³⁵ Анализ символических картин сна Святослава в соотношении с толкованием бояр см. Соколова Л. В. Сон Святослава // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб., 1995. Т. 5. С. 30—39.

Некоторые исследователи и переводчики ошибочно ограничивали ответ бояр словами «А самую опуташа въ путины желѣзны» (первые издатели, К. Бальмонт, Д. С. Лихачев, Н. А. Заболоцкий). Однако большинство исследователей и переводчиков, начиная с В. А. Жуковского, включает в речь бояр весь текст до «злата слова». Знаком окончания речи бояр служат заключительные слова: «А мы уже, дружина, жадни веселія!».

Д. С. Лихачев выделяет ответ бояр в особый фрагмент, кроме того, окончание речи бояр (после слов «А самую опуташа...») рассматривает как уже авторскую речь. Таким образом, четырнадцатый фрагмент разбит исследователем в объяснительном переводе на три фрагмента.

XV. Выслушав ответ бояр, Святослав произносит на княжеской думе свою речь, «золотое слово». Это риторическое заочное обращение Святослава не только к князьям-Ольговичам, но и к князьям «Владимирова племени». Игоря и Всеволода Святослав упрекает за то, что они поспешили на брань, рано начали Половецкую землю мечами «цвелить», что отправились в поход одни, решив поддержать славу предков и добыть славы себе. Всех же остальных князей, в том числе и Ярослава Черниговского, Святослав упрекает в обратном: в том, что они не спешат на борьбу с половцами, на защиту южных границ Русской земли.

Ряд исследователей и переводчиков ограничивает «злато слово» Святослава только упреками Святослава в адрес Ольговичей: участников похода и их сюзерена Ярослава Черниговского. Однако правы, без сомнения, те исследователи, которые включают в «злато слово» и пять обращений к «Владимирову племени».³⁶

Принято воспринимать призывы автора к князьям как содержащие пышную похвалу в их адрес. Однако при более внимательном анализе обнаруживается, что в обращениях к князьям «Владимирова племени» автор использует прием иронической похвалы.³⁷ Автор «Слова» дает понять, что обращение к ним напрасно, они не спешат на защиту южных границ Руси от половцев. Здесь очевидна позиция автора «Слова» как сторонника Ольговичей.

Д. С. Лихачев в объяснительном переводе «Слова» рассматривает как «золотое слово» Святослава только текст до обращения к великому князю Всеволоду (Владимирскому). Каждое из пяти последующих обращений к князьям-Мономашичам он выделяет в особый фрагмент. Кроме того, четвертое обращение (к Роману и Мстиславу) заканчивается, по его мнению, словами: «А главы своя поклониша подь тыи мечи харалужныи!». Остальной текст до пятого обращения Д. С. Лихачев считает авторским размышлением о поражении Игоря и выделяет его в особый фрагмент. Таким образом, XV фрагмент, включающий «золотое слово» Святослава, Д. С. Лихачев разбивает на 7 фрагментов.

XVI. Далее автор, словно продолжая размышления Святослава об опасности, грозящей Русской земле с юга, говорит от своего имени о такой же опасности, грозящей Русской земле с севера: полоцкие князья своими междоусобицами наводят «поганых» (имеются в виду язычники-литовцы) на землю Русскую, на часть Всеслава, своего деда.

Говоря о раздорах, несогласии полоцких князей, автор вспоминает гибель одного из них, молодого князя Изяслава, которому не пришли на помощь его братья. Изяслав сразился с литовцами, но сам оказался «при-

³⁶ Обоснование этого см. Соколова Л. В. Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» // ТОДРЛ СПб., 2001. Т. 52. С. 7—46.

³⁷ См. об этом Там же С. 35—44.

трепан» («приласкан») их мечами. И «с хотию на кровати» сказал: «Дружину твою, княже, птиц крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша» Выражение «и с хотию на кровати» — идиоматическое выражение, означающее «умирая». Оно основано на древнем мифологическом мотиве «смерть — брак с божеством смерти/смертью (варианты: с землей, гробовой доской и т. п.)». ³⁸ Что касается произносимой Изяславом перед смертью «припевки», то в исландских сагах герой перед смертью сам произносит висы — стихотворные строфы, близкие по стилю фразе, сказанной умирающим Изяславом Васильковичем. ³⁹ Рассказав о гибели Изяслава, автор призывает полоцких князей прекратить распри, он напоминает им, что именно из-за княжеских междоусобиц было насилие Русской земле и на юге, от земли Половецкой.

Д. С. Лихачев выделяет это обращение к полоцким князьям в особый фрагмент, поскольку он рассматривает его как обращение ко всем Ярославичам и Всеславичам, т. е. потомкам Ярослава и Всеслава, что ошибочно, по нашему мнению. ⁴⁰

XVII. Пространственная депрессия повествования влечет за собой временную депрессию: автор вспоминает о деде полоцких князей, Всеславе Полоцком. ⁴¹ Этот фрагмент имеет многие переклички с фрагментом об Олеге Святославиче, деде Игоря. Олег и Всеслав, князья второй половины XI в., выступают в «Слове» в сходных ролях: оба крамольники, но оба отстаивают свои поправные права, мстят за свою обиду тем князьям, которые говорят: «Это мое, а то мое же», вместо того чтобы следовать установленной формуле феодальных отношений: «Это мое, а то твое». Сходство судьбы Олега и Всеслава автор подчеркивает многочисленными перекличками фрагментов о них.

XVIII. Восемнадцатый фрагмент представляет собой *резюме*, итоговое заключение второго раздела Повествования, который посвящен размышлениям о княжеской разобщенности, о прекращении из-за этого войны с погаными. Начинается он горестным возгласом автора: «О, стонати Руской земли, / Помянувшѣ пръвую годину и пръвыхъ князей!». Стонать потому, что сравнение не в пользу современных князей. Того старого Владимира (Владимира Святославича) нельзя было удержать на горах Киевских (он ходил в дальние военные походы со своей сильной дружиной), ныне же одни его стяги (т. е. стяги русские) принадлежат Рюрику, а другие — Давыду, но разрознены войска даже этих братьев, врозь бунчуки на их стягах реют, врозь их копыя поют! И в результате — война с погаными «погыбе».

XIX. Третий раздел Повествования начинается Плачем Ярославны, обращающейся с языческой молитвой к силам трех сфер Космоса: ветру, реке (Днепру), солнцу с просьбой сменить гнев на милость и прилелеять к ней ее «ладу», к которому она собирается лететь зегзицей-кукушкой на Каялу, чтобы оживить его с помощью живой и мертвой воды. ⁴² Автор

³⁸ См. дополнительное обоснование этого прочтения, предложенного и обоснованного М. Максимовичем Соколовым Л. В. Первое издание «Слова о полку Игореве» и современное прочтение текста // РЛ 2002 № 4 С 7—8

³⁹ Указание на это см. Мешерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» С 473

⁴⁰ См. об этом Соколова Л. В. Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» С 12—14

⁴¹ Анализ этого фрагмента см. Соколова Л. В. Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве» С 23—58

⁴² См. об этом Соколова Л. В. 1) Плач Ярославны // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб, 1995 Т 4 С 109—116, 2) Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 48 С 38—47

основывается на символическом значении плена как смерти, на что обратила внимание Н. С. Демкова.⁴³

Художественная функция Плача Ярославны — оправдать бегство Игоря из плена, которое считалось поступком, наносящим урон чести князя. В «Слове» оно совершается по воле Бога, с помощью всех природных сил, откликнувшихся на молитву Ярославны.

XX. Двадцатый фрагмент повествует о бегстве Игоря из плена. Ярославна обращалась с языческой молитвой к силам природы, и природа откликнулась на просьбу Ярославны. Но помогает Игорю бежать из половецкого плена прежде всего Бог, который указывает ему путь на Русь водными столпами смерча. Бегство Игоря описано, по наблюдению Н. С. Демковой, «в системе изображения волшебной сказки как возвращение из царства мертвых».⁴⁴

Д. С. Лихачев в издании 1950 г. выделяет в особый фрагмент фразу о том, что Бог указывает путь Игорю в Русскую землю. Впрочем, в объяснительном переводе, опубликованном в 1982 г., эта фраза уже включена в повествование о бегстве Игоря.⁴⁵

XXI. Следующий фрагмент — разговор Игоря с Донцом уже на своей, Русской земле. Разговор героя с рекой — мотив, встречающийся в фольклоре.⁴⁶ Донец приветствует Игоря, вернувшегося на Русь, величает его, желая Русской земле веселия, а Кончаку — нелюбья. Игорь, отвечая Донцу, вдоль которого он шел на Русь, благодарит его за помощь и вспоминает в связи с этим реку Стугну, которая вела себя иначе, погубила юного князя Ростислава.

Некоторые исследователи считают текст о Стугне уже авторским комментарием. Мы согласны с Е. В. Барсовым, Д. С. Лихачевым и другими исследователями, включающими строфу о Стугне в речь Игоря.

XXII. Только после этого автор изображает погоню за Игорем Гзака и Кончака, возвращаясь к тому моменту, когда Игорь был еще в поле половецком. Этот фрагмент не драматизирует действие, не сообщает ему остроты, поскольку читатель уже знает, что Игорь благополучно возвратился на Русь. Его функция иная, это послесловие к бегству Игоря. Автор подчеркивает здесь необычное поведение вороновых птиц; даже они выступают на стороне Игоря, приумолкнув, чтобы не выдать белгца преследующим его половцам. Только дятлы тектом указывали Игорю путь к реке и соловьи веселыми песнями свет возвещали!

Кончак с Гзаком понимают, что им не догнать Игоря. Поэтому они говорят не о нем, а о его сыне, оставшемся в плену, понимая, что и его не удержать им, опутав «красной девицей». Поэтическая задача этого фрагмента — «предсказать» судьбу оставшегося в плену сына Игоря, Владимира, и дальнейшие отношения русских и половцев. По словам Д. С. Лихачева, «автор „Слова“ <...> как бы говорил, что ничто теперь не помешает „птицам“ бить половцев в степи Половецкой».⁴⁷

XXIII. Двадцать третий фрагмент — это *резюме*, итоговое замечание третьего раздела Повествования. Автор приводит здесь припевку Бояна и Ходыны,⁴⁸ двух песнетворцев Святослава, певших о старом времени

⁴³ Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» С. 62

⁴⁴ Там же

⁴⁵ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» Историко-литературный очерк 2-е изд., испр. и доп. М., 1982 С. 74

⁴⁶ Один из примеров см. Дмитриев Л. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве Л., 1952 С. 286 (Б-ка поэта Большая сер.)

⁴⁷ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» Историко-литературный очерк С. 75

⁴⁸ В статье «Композиция „Слова“» Д. С. Лихачев, вероятно, под влиянием Б. Гаспарова, пишет «Боян, появляющийся снова, как бы подчеркивает кольцевое оформление компо-

Ярослава и Олега, т. е. отца и сына Святослава. Припевка эта была спета некогда жене когана Олега (так думали В. Н. Перетц и А. В. Соловьев), вероятно, в связи с возвращением его вместе с женой-«грекыней» из Византии на Русь: «Тяжко ведь голове без плеч, / Беда ведь и телу без головы», «Так и Русской земле без Игоря», — добавляет от себя автор «Слова», вероятно, заменяя имя Олега в припевке Бояна на имя Игоря. И после этого сообщает о возвращении Игоря на Русскую землю и посещении им Киева:

«Солнце свѣтитса на небесѣ —
Игорь князь въ Руской земли!
Дѣвици поють на Дунаи,
Вьются голоси чрезь море до Кіева
Игорь ѳдетъ по Боричеву
Къ Святѣй Богородици Пирогошей
Страны ради, гради весели!»

Д. С. Лихачев видит здесь два фрагмента: в первый он выделяет «припевку» Бояна и Ходыны, во второй — приведенную цитату из «Слова». Однако замечание о том, что Русская земля без Игоря как тело без головы, — это объяснение последующего текста: почему так радуются страны и города возвращению Игоря на Русскую землю. О. В. Творогов называет этот фрагмент эпилогом. Он пишет: «Эпилог „Слова“ праздничен и торжествен: вернувшийся на Русь Игорь приезжает в Киев, к великому Святославу; „страны рады, гради весели“». ⁴⁹ По моему мнению, рассказ о приезде Игоря в Киев — это заключительный аккорд в рассказе о возвращении Игоря: он вернулся иным, он осознал необходимость совместных действий под руководством киевского князя. Эпилогом же является фрагмент XXIV.

XXIV. Этот фрагмент В. И. Абаев рассматривал (вслед за другими исследователями) как славу участникам похода и ошибочно считал его позднейшим добавлением к авторскому тексту, поскольку автор «Слова», по его мнению, не мог прославлять «антигероя» Игоря, погубившего свое войско и сдавшегося в плен. ⁵⁰ По его мнению, «прокняжеские восхваления» в «Слове» могут принадлежать только руке фальсификатора. Однако фрагмент XXIV является неотъемлемой частью «Слова», это эпилог Повествовательной части «Слова». Автор здесь не прославляет Игоря. Спев хвалу «старым» князьям («старыми» в «Слове» названы Владимир Святославич, Ярослав Мудрый, Святослав Всеволодович), автор пророчит, что в будущем («потом») будет спета слава и «молодым» князьям, участникам похода: «Слава, Игорь Святославич, буй тур Всеволод, Владимир Игоревич!». ⁵¹ (Нарушение в согласовании имен с отчествами и формы «Святославличъ» и «Игоревичъ» в Екатерининской копии свиде-

зители Слова С точки зрения этой композиции появление второго певца *Ходыны* не является необходимым. Скорее всего, это ошибочная конъектура исследователей, не посчитавшихся с композицией и поэтикой памятника» С этим утверждением трудно согласиться. Только имя «Ходына», известное древним славянским языкам, может объяснить двойственное число словосочетания «Святъслава пѣтворца» О конъектуре «Ходына» и разных интерпретациях этого имени см. Соколова Л В Ходына // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб, 1995 Т 5 С 185—187

⁴⁹ Творогов О В Композиция «Слова» С 127

⁵⁰ См. Абаев В И Жанровые истоки «Слова о полку Игореве» в свете сравнительного фольклора // Изв Юго-Осетин науч.-исслед. ин-та АН СССР Цхинвали, 1985 Вып 27 С 98—116

⁵¹ Так понимает этот фрагмент и А. Ю. Чернов См. Чернов А Слово о золотом слове С 24

тельствуют, что в авторском тексте имена стояли в звательной форме, в форме обращения)

XXV. Концовка «Слова» представляет собой, по законам жанра дружинной песни, здравицу и славу князьям и дружинам, которые сражаются за христиан с полками «поганых». Именно к этому призывает автор «Слова» князей на протяжении всего повествования, за это прославляет их в Концовке.

Эпилог Повествования и Концовка — это разные композиционные фрагменты, поэтому их нельзя объединять в один фрагмент, как это сделано в объяснительном переводе Д. С. Лихачева 1950 г. Впрочем, в объяснительном переводе 1982 г. Д. С. Лихачев объединяет фрагменты XXIII—XXV в один фрагмент — «заключительную часть».

*

Мы рассмотрели, на какие композиционные фрагменты делится текст «Слова о полку Игоре»е. Попробуем теперь воссоздать и прокомментировать композиционный план, по которому создавалось «Слово». ⁵²

Композиционный план «Слова о полку Игоре»е

I. Вступление (фрагмент I)

II. Повествование:

Пролог, или Экспозиция (фрагмент II)

Раздел первый (Поход Игоря и его последствия):

1. Начало повествования о походе: завязка действия (фрагмент III)
авторское отступление о Бояне (фрагмент IV)
2. Продолжение повествования о походе: развитие действия до кульминации (фрагменты V—VIII)
авторское отступление об Олеге Гориславиче (фрагмент IX)
3. Окончание повествования о походе: развитие действия до развязки (фрагмент X)
авторское отступление о «деве Обиде» (фрагмент XI)

4. Повествование о последствиях похода (фрагмент XII)

5. Резюме первого раздела (фрагмент XIII)

Раздел второй (Слово о княжеских распрях):

1. Сон Святослава, толкуемый боярами (фрагмент XIV)
2. «Злато слово» Святослава (фрагмент XV)
3. Слово автора о полоцких князьях XII в. (фрагмент XVI)
4. Размышления о судьбе Всеслава Полоцкого (фрагмент XVII)
5. Резюме второго раздела (фрагмент XVIII)

Раздел третий (Возвращение Игоря):

1. Плач Ярославны (фрагмент XIX)
2. Бегство Игоря (фрагмент XX)
3. Разговор Игоря с Донцом (фрагмент XXI)
4. Погоня за Игорем Гзака и Кончака (фрагмент XXII)
5. Резюме третьего раздела (фрагмент XXIII)

Эпилог (фрагмент XXIV)

III. Концовка (фрагмент XXV).

В первом разделе Повествования (Поход Игоря и его последствия) содержание не укладывается только в сюжет, наряду с сюжетными мы

⁵² Специально вопрос о плане «Слова» рассматривали сравнительно немногие исследователи. Наиболее разработанную схему «Слова» находим в работах М. Максимовича, Е. В. Барсова, Р. Абихта, С. К. Шамбинаго, В. Ф. Ржиги, Б. Н. Двинянинова

имеем *внесюжетные фрагменты*, авторские отступления, в которых автор «Слова» заявляет о своих литературных принципах и политических взглядах. Этими внесюжетными фрагментами и делится первый раздел (рассказ о походе и его последствиях) на 5 подразделов.

Каждый пункт плана представлен одним композиционным фрагментом, за одним исключением: повествование о походе Игоря от завязки действия до кульминации включает 4 фрагмента (V—VIII).

Как уже говорилось, границы между Вступлением и Повествованием, между Повествованием и Концовкой, а также границы между тремя разделами Повествования исследователи определяли по-разному. Поэтому обоснуем свое деление «Слова» на части и разделы.

Нижняя граница Вступления по-разному определялась исследователями в связи с тем, что в «Слове» последовательно идут три фрагмента, носящие вводный характер. Первый фрагмент — это вступление ко всему тексту «Слова», не связанное по теме с последующим Повествованием (размышление, какого принципа изложения придерживаться). Второй фрагмент — это вступление к Повествованию (пролог, или экспозиция). Третий фрагмент — это вступление к первому разделу Повествования (завязка действия, сцена солнечного затмения). В связи с этим одни исследователи ограничивали Вступление первым фрагментом, другие включали в него и второй, а третьи исследователи — все три фрагмента.

Верхняя граница Заключения (Концовки) спорна по той же причине: в конце «Слова» следуют друг за другом три заключительных фрагмента: резюме третьего раздела Повествования, эпилог Повествования, Концовка (слава-здравица князьям и дружинам). Исследователи включают в Заключение либо один, либо два, либо все три фрагмента.

Обоснуем теперь границы между тремя разделами Повествования. Спорный фрагмент, повествующий о походе Святослава на половцев в 1184 г. в сопоставлении с походом Игоря 1185 г., является, по нашему мнению, заключительным резюме первого раздела, говорящим о результатах похода Игоря, о тех последствиях для русско-половецких отношений, которые он имел. В связи с этим указанный фрагмент следует, на наш взгляд, включать в первый раздел Повествования. Плач Ярославны имеет характер языческой молитвы, не только после, но и в результате которой происходит бегство Игоря из плена. Естественно поэтому отнести Плач Ярославны в третий раздел Повествования, повествующий о возвращении Игоря на Русскую землю.

Рассмотрим теперь, насколько органично и последовательно связаны в единое художественное целое три раздела Повествования и входящие в них фрагменты. О том, что вопрос этот не праздный, свидетельствует мнение некоторых исследователей о фрагментарности «Слова» и непоследовательности изложения в нем.⁵³

⁵³ Так, И П Еремин считал, что в «Слове» «нет последовательного, непрерывного повествования о походе Игоря», что повествовательная часть «Слова» «распадается на ряд эпизодов, представляющих каждый относительно замкнутое целое < > Автор как бы выхватывает из последовательного потока событий отдельные нужные ему эпизоды, не заботясь об их повествовательной связи» И П Еремин объясняет это тем, что «для оратора такая „вольная“ композиция повествовательного материала закономерна для него каждый эпизод представляет самодовлеющий интерес и сам по себе и как благодарный материал, как опора для различного рода отступлений < > „от автора“ » (см Еремин И П «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси С 103) Та же мысль высказана В И Стеллецким, который пишет «Уже во вступлении мы наблюдаем основную особенность композиции „Слова о полку Игореве“, здесь нет последовательного изложения событий, произведение состоит из слитых в единое целое строфических отрывков» (см Стеллецкий В И Драгоценный памятник русской литературы С 20)

По правилам монументально-исторического стиля каждый из трех разделов Повествования является относительно самостоятельным в художественной ткани произведения как в смысловом, так и в структурном отношении.⁵⁴ Все три раздела имеют вводный и заключительный фрагменты. В первом разделе вводный фрагмент — это завязка действия (эпизод солнечного затмения), во втором разделе — Сон Святослава, толкуемый боярами, в третьем разделе — Плач Ярославны. Заключительным фрагментом каждого из разделов является итоговое резюме.

Кроме того, в каждом из трех разделов Повествования есть свой сюжет, а следовательно, свои узловые сюжетные моменты: завязка действия, кульминация и развязка. В первом разделе завязкой действия является сцена солнечного затмения; кульминацией — сцена второго боя и мужественно сражающегося Всеволода; развязкой — сообщение о поражении Игоря. Во втором разделе происходит развитие не действия, а обсуждаемой проблемы. Проблема обозначается, по нашему мнению, в речи бояр, толкующих сон Святослава, они сообщают о поражении и гибели русских дружин, о пленении князей, в результате чего «ворота» на Русь оказались открытыми. Кульминацией в развитии проблемы является «злато слово» Святослава, из которого следует, что князья «не подмога» Святославу в его стремлении к коалиционной защите южных границ Руси. Авторским комментарием к «золотому слову» Святослава является фрагмент о полоцких князьях, из которого становится ясно, что и северные границы Русской земли в опасности из-за отсутствия коалиции полоцких князей. Трагической развязкой проблемы во втором разделе является заключительное резюме: констатация того факта, что князья не действуют согласованно, в коалиции, даже дружины двух родных братьев (Рюрика и Давыда) разъединены: врозь реют их знамена, врозь поют их копыя. В третьем разделе, сюжетом которого является возвращение Игоря из плена, завязкой действия является Плач Ярославны, в результате которого происходит бегство Игоря, «задержанной» кульминацией⁵⁵ является погоня за Игорем Гзака и Кончака, а развязкой действия — разговор Игоря с Донцом уже на Русской земле.

Некоторые исследователи считали даже, что у каждого раздела Повествования свой герой. В отличие от М. Максимовича, считавшего главным героем «Слова» Игоря, С. К. Шамбинаго пишет: «Состоя из отдельных песен, „Слово о полку Игореве“ не имеет, в сущности, центрального героя. Перед читателем проходит ряд личностей, на которых счел нужным остановить внимание автор для выявления своей идеи — желанного единения Русской земли — и для передачи впечатления, созданного „буйным“ Игоревым походом».⁵⁶ Эту точку зрения оспаривал В. Ф. Ржига, он подчеркивал, что «Слово о полку Игореве» — «единая песня с единым главным героем».⁵⁷ Но при этом он связывал с каждым из разделов оп-

⁵⁴ Д. С. Лихачев, характеризуя монументально-исторический стиль, отметил и такую его особенность, как конструктивная четкость членения всей композиции, чувство значительности и значимости каждой части произведения. См. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 65. В «Слове о полку Игореве» это наблюдается как на примере трех разделов Повествования, так и на примере четко выделяемых отдельных крупных фрагментов.

⁵⁵ В работах по теории литературы отмечается, что место экспозиции и всех других элементов композиции определяется художественными задачами произведения. Например, экспозиция может быть помещена в разных местах: 1) в начале произведения («прямая экспозиция»), 2) после завязки действия в качестве объяснения последней («задержанная экспозиция») и 3) в конце произведения («обратная экспозиция»). В нашем случае «задержанной» оказывается кульминация, помещенная после развязки.

⁵⁶ Шамбинаго С. К. Слово о полку Игореве // История русской литературы. Т. 1. С. 183.

⁵⁷ Ржига В. Ф. Композиция «Слова о полку Игореве». С. 61.

ределенного героя: «Три главные части „Слова“, развертываемые путем раскрытия трех основных образов памятника — Игоря, Святослава и Ярославны,⁵⁸ неразрывно связаны между собой, и можно с полной уверенностью утверждать, что образы эти составляют своего рода трехъединую систему, которая реализует центральную художественную интенцию поэта: его замысел воспеть Игоря».⁵⁹

По нашему мнению, следует согласиться с тем, что Игорь является главным героем «Слова». Об этом свидетельствует рассказ о его возвращении на Русь и описание вселенской радости по этому поводу. Но вряд ли автор ставил целью *воспеть* князя Игоря, учитывая трагический исход его похода. На наш взгляд, в основу сюжета автор поставил *развитие образа* Игоря, его *преображение*. Связано это преобразование с основной идеей «Слова»: с необходимостью осознания князьями единственного пути спасения Русской земли — коалиционной защиты ее от «поганых».

Три раздела Повествования, относительно самостоятельные, объединены в одно целое не только сюжетом и главным героем, но и проблемой, стоящей в центре сюжета. Можно говорить о развитии этой проблемы на протяжении всего повествования. Проблема возникает в первом разделе: после поражения Игоря ворота на Русь оказываются открытыми. Обостряется проблема во втором разделе: из «золотого слова» Святослава следует, что защищать южные границы Руси некому, поскольку князья-Мономашичи не спешат постеречь киевский отчий стол, а Ольговичи, храбрые князья, поспешившие на брань, оказались в плену.⁶⁰ Проблема разрешается в третьем разделе: Игорь возвращается на Русь; пережив в результате плена-смерти катарсис, он преобразуется из «буйного» князя, озабоченного лишь своей славой, в князя-государственника, озабоченного судьбой Русской земли, готового к коалиционной защите Русской земли под руководством киевского князя.⁶¹ Этим и объясняется вселенская радость по поводу его возвращения. Д. С. Лихачев на свой вопрос «плох Игорь или хорош?» ответил так: «скорее хорош, чем плох». Можно, на мой взгляд, ответить более определенно: «был плох, стал хорош». На Игоря возлагается автором надежда в деле защиты Русской земли от половцев. Сам Бог указывает ему путь из плена на родину водным столпом, как некогда народу Израиля, исходившему из египетского плена (Исх. 13:21; 14:21).⁶² Этот библейский мотив также указывает на месси-

⁵⁸ В И Чичеров, вероятно, исходя из этого высказывания В Ф Ржиги, делил центральную часть Повествования на три части, в центре которых стоят главные образы 1) Игорь, 2) Святослав, 3) Ярославна См Чичеров В И История древней русской литературы С 53—54 Б Н Двинянинов тоже повторяет эту мысль (см с 156)

⁵⁹ Ржиги В «Слово о полку Игореве» как поэтический памятник Киевской феодальной Руси XII в С 165

⁶⁰ Б Гаспаров считает кульминацией «Слова» сон Святослава и ответ бояр «По своему содержанию сон Святослава и ответ бояр являются трагической кульминацией произведения, в которой рисуется ультимативная катастрофа — смерть великого князя и гибель мира < > Эта смысловая роль подтверждается структурной функцией данной части в композиции „Слова“ она занимает центральное положение, составляя пик формы всего произведения» См Гаспаров Б Поэтика «Слова о полку Игореве» С 229 Д С Лихачев считает кульминацией более обширный текст «Поражение Игоря, сон Святослава, отражающий это поражение, и последующий призыв Святослава ко всем русским князьям объединиться в своем отпоре натиску степняков являются как бы кульминацией Слова» См Лихачев Д С Композиция «Слова» С 68

⁶¹ Д С Лихачев пишет следующее «Затем следует часть, которую можно определить как катарсис Игорь прощен Автор обращается к его личной судьбе как бы через плач его жены Ярославны» См Лихачев Д С Композиция «Слова» С 69

⁶² На это исследователи уже обращали внимание См, например Гогешвили А А Три источника «Слова о полку Игореве» С 203

анскую роль Игоря. «Катарсис, согласно Аристотелю, делает героя способным продолжать дальнейшую борьбу», — пишет Д. С. Лихачев.⁶³

Итак, «Слово» — поэма со сквозным сюжетом, одной проблемой и с одним центральным героем — князем Игорем. При этом есть основание согласиться с теми исследователями, которые считают, что «автору» в «Слове» принадлежит далеко не последнее место. Он «заполняет собою все произведение от начала до конца. Голос его отчетливо слышен везде: в каждом эпизоде, едва ли не в каждой фразе».⁶⁴

*

На основании выявленного плана определим теперь композиционные принципы, в соответствии с которыми создавалось «Слово».

Как известно, любому литературному направлению, течению свойственны определенные принципы композиции. Например, плутовской роман эпохи Возрождения строится по принципу «нитки с бусами», т. е. композиционно распадается на серию новелл, связанных с историей одного героя. Принцип, использованный автором «Слова о полку Игореве», можно назвать принципом трехуровневой композиции. В «Слове» три уровня композиционного членения текста: внешний, средний и внутренний. В связи с этим принцип трехуровневой композиции можно назвать также принципом «матрешки». Первый (внешний) уровень — это деление текста «Слова» на 3 части: вступление (Запев), основную часть (Повествование) и заключение (Концовку). Второй уровень — это деление основной части (Повествования) на вступление (пролог), основную часть (состоящую из трех разделов) и заключение (эпilog). Третий (внутренний) уровень — это деление каждого из трех разделов Повествования на 5 подразделов, первый из которых во всех трех случаях является вводным, а пятый — заключительным (резюме). Иначе говоря, каждый из трех разделов Повествования тоже имеет три части: вводную, основную (состоящую из трех подразделов) и заключительную (резюме). Таким образом, наряду с принципом трехуровневой композиции можно говорить о принципе трехчленности каждого уровня композиции «Слова»: вступление, основная часть, заключение. При этом основная часть на втором и третьем уровнях тоже трехчленна.

Итак, в «Слове» мы видим сложную организацию входящих в него элементов, расположенных в определенной системе, по определенному плану, в основе которого лежит всеохватывающий, универсальный принцип трехчленности.⁶⁵ Напомню вслед за Б. Н. Двиняниновым, что, со-

⁶³ Лихачев Д. С. Композиция «Слова» С 69

⁶⁴ Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси С 111

⁶⁵ Исследователи не раз указывали на принцип трехчленности в композиции «Слова». Одни при этом делили памятник на вступление, повествование и заключение, другие на три части: Е. В. Барсов и В. Ф. Ржига, говоря о принципе трехчленности в «Слове», учитывают оба эти деления. По их мнению, весь памятник состоит из вступления (прелюдии), основной (главной) части и заключения (финала). Главная часть в свою очередь распадается на три части: К разгадке принципа композиции «Слова» ближе всех оказался, по нашему мнению, С. К. Шамбинаго. Он первым продемонстрировал в своем плане «Слова» принцип трехуровневой композиции, хотя и не сформулировал этот принцип. Кроме того, Шамбинаго верно определил три уровня композиции «Слова»: Первый уровень — Вступление, Содержание, Заключение. Второй уровень — Содержание делится на три части: I Игорьев поход, II Песнь о великом Святославе, III Возвращение Игоря. Третий уровень — каждая из трех частей подразделяется. С. К. Шамбинаго на несколько песен, при этом на третьем уровне принцип трехчленности оказывается невыдержанным. В плане С. К. Шамбинаго спорно лишь деление каждой из трех частей Содержания. Б. Н. Двинянинов также выделил три уровня компози-

гласно риторике XVII в. (более ранние русские риторики, к сожалению, не известны), речь украшенная «создается и постановляется» на принципе трехчленности.⁶⁶

* * *

Какие выводы можно сделать, исходя из описанной композиции «Слова»?

1. Несмотря на относительную самостоятельность трех основных разделов Повествования и отдельных фрагментов, обусловленную правилами господствующего стиля эпохи XI—XIII вв., текст «Слова» представляет собой единое художественное целое, написанное одним автором и одновременно. Все фрагменты в «Слове» органичны, все подчинены одному художественному заданию, все занимают строго определенное место в композиции памятника.⁶⁷

В связи с этим следует признать ошибочным предположение некоторых исследователей (в частности, М. А. Максимовича) о том, что известный нам текст «Слова» создан в два этапа, что третий раздел «Слова», рассказывающий о бегстве Игоря из плена, был дописан позднее. Д. С. Лихачев пишет по этому поводу: «Нет никаких оснований часть С<лова>, которую мы называем катарсисом, считать полностью или частично добавленной позднее: она вполне закономерно присутствует в С<лове>».⁶⁸ Ошибочны мнения и тех исследователей, которые считали позднейшим добавлением к авторскому тексту «Слова» заключительные фрагменты произведения (XXIII—XXV).⁶⁹ Эти фрагменты являются неотъемлемыми частями композиции «Слова»: один представляет собой резюме третьего раздела, второй — Эпilog Повествования, а третий — Концовку «Слова».

Ошибочным является и мнение о фрагментарности «Слова», о том, что отдельные фрагменты не объединены в последовательное и непрерывное повествование. Обособленность фрагментов в «Слове» кажущаяся.

ции, но, в отличие от С К Шамбинаго, отказался от деления «Слова» на вступление, основную часть и заключение. По его мнению, в «Слове» три главы. Каждая глава делится на части (первые две главы на 6, третья — на 5 частей), каждая часть трехчленна. Несмотря на попытку Двинянинова показать, что принцип трехчленности является основным в построении «Слова» «от начала и до конца повествования», на втором уровне принцип трехчленности оказывается у него невыдержанным. Кроме того, деление каждой из частей на три пункта вызвало критику своей субъективностью. По мнению А Ю Чернова, структуру поэмы образует «переплетение триад». Традиционно он делит поэму на три части, и каждая из трех частей у него тоже трехчленна. Однако внутреннее членение каждой части лишено объективных оснований.

⁶⁶ Бабкин Д С Русская риторика начала XVII в // ТОДРЛ М, Л, 1951 Т 8 С 326—333

⁶⁷ В этом мы полностью согласны с В Н Перетцем, который утверждал «Композиция „Слова“ такова, что предполагает заранее *одну* эстетическую идею, *один* план, требующий наличности всех упомянутых частей < > все части подчинены одному определенному художественному заданию и все одинаково необходимы». См Перетц В Н К изучению «Слова о полку Игореве» Л, 1926 С 14. Приведа это высказывание В Н Перетца, Б Гаспаров замечает «Данное заявление, однако, не подкрепляется какими-либо конкретными разъяснениями того, каков этот предполагаемый единый план произведения и каким образом этот план реализуется в соотношении всех его частей». См Гаспаров Б Поэтика «Слова о полку Игореве» С 213

⁶⁸ Лихачев Д С Композиция «Слова» С 69

⁶⁹ Эта точка зрения высказана, например, С К Шамбинаго. По его словам, «весь исход сильно изменен переписчиком позднего времени, сделавшим неумелое сокращение и искажившим стиль памятника». С К Шамбинаго смутили в заключительной части христианские элементы упоминание Богородицы Пирогошей, выражение «побарать за христиан на поганых», заключительное «аминь». См Шамбинаго С К Слово о полку Игореве // История русской литературы Т I С 182—183

При более внимательном анализе выясняется их теснейшая взаимосвязь. Сюжетное повествование в «Слове» последовательно и при этом — как отмечено исследователями — соответствует композиции летописной повести о походе Игоря. Те фрагменты, которым нет соответствия в летописной повести о походе, временно прерывают сюжетное повествование, но не нарушают последовательности изложения.

Ошибочными являются и мнения о компилятивном характере «Слова о полку Игореве», о наличии в его тексте вставных песен. Вероятно, эта точка зрения на композицию «Слова» также возникла в связи с тем, что отдельные фрагменты «Слова» относительно самостоятельны и связь между ними не для всех очевидна.

Цельность памятника подчеркивает кольцевая композиция мотивов в начальной и заключительной частях Повествования. О создании «Слова» одним автором говорит также зеркально-симметричное построение первого и третьего разделов, повествующих о походе в поле половецкое и возвращении из него. Цельность памятника подчеркивают также разного рода повторы, пронизывающие и скрепляющие воедино художественную ткань «Слова». Повторы исследованы в указанных работах В. Ф. Ржиги, С. Вольмана, Н. С. Демковой, Д. С. Лихачева, Б. Гаспарова, Т. М. Николаевой.⁷⁰

2. Приведенный план «Слова» наглядно показывает, что дошедший текст памятника сохранил авторскую композицию и что никаких перестановок композиционных фрагментов не требуется. Авторские отступления от основного сюжета в первом разделе Повествования занимают строго определенное место в композиции: после завязки действия (отступление о Бояне), после кульминации (отступление об Олеге Гориславиче) и после развязки действия (отступление о деве Обиде), поэтому перестановка их в другие места недопустима. При этом первое авторское отступление (о Бояне) связано по теме со Вступлением, второе (о междоусобных битвах Олега Гориславича) — с центральной частью, повествованием о кровопролитной битве Игоря, а третье отступление — с заключительным фрагментом повествования о походе: с рассказом о последних днях похода, о нашествии врагов на Русскую землю. Фрагмент о Всеславе Полоцком тоже занимает строго определенное место во втором разделе Повествования: он следует после обращения автора к внукам Всеслава, князьям XII в., а это обращение автора к полоцким князьям в свою очередь развивает тему «злата слова» Святослава.

Автор создает не эпическое, а лиро-эпическое произведение, он обращается к событиям прошлого именно в связи с событиями настоящего, поэтому создавать «исторический раздел» в начале «Слова», как это делает Б. А. Рыбаков, — значит нарушать авторскую композицию «Слова», создавать свой вариант памятника. Ошибочным является также предположение С. М. Соловьева и Б. А. Рыбакова о том, что в начале «Слова» был фрагмент, повествовавший о Владимире Мономахе (по Рыбакову, он открывал «исторический раздел»). Это предположение основано на том, что автор «Слова», обозначая границы своего повествования, обещает начать его «от старого Владимира». Однако это не означает, что автор в строгой хронологической последовательности должен *начать* свое произведение с *повествования* о «старом Владимире». Автор не повествует о «старом Владимире» (под ним мы понимаем не Владимира Мономаха, а Владимира Святославича, общего предка Ольговичей и Мономашичей),

⁷⁰ См. об этом Каган М. Д. Повторы в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб, 1995 Т 4 С 124—130

а лишь упоминает его в резюме второго раздела Повествования (фрагмент XVIII) как князя, при котором русское войско было единым, а потому сильным, дееспособным.

Говоря словами Е. В. Барсова, «все эти усмотрения беспорядочности и нестройности в дошедшем до нас тексте „Слова“ возникают лишь в связи с тем, что <..> к произведению чисто художественному, творческому предъявляют требования исторического повествования — полноты подробностей факта и последовательности в их изложении».⁷¹

3. Проведенный анализ композиции позволяет говорить о наличии в основе «Слова» четкого плана, о строгой закономерности в построении памятника.

Реконструированный нами план «Слова» показывает, что оно построено по принципу трехуровневой композиции и принципу трехчленности каждого уровня композиции. Эти принципы композиционного построения «Слова о полку Игореве» характерны и для других риторических произведений Киевской Руси.⁷² В качестве примера можно указать на «Слово» Даниила Заточника, созданное в эпистолярном жанре.⁷³ Можно говорить также о трехуровневой композиции торжественных слов Кирилла Туровского и других авторов. Вопрос о композиции произведений торжественного красноречия нуждается в специальном исследовании,⁷⁴ но уже сейчас можно уверенно говорить о наличии поэтико-риторической школы в Киевской Руси XI—XIII вв., о том, что автор «Слова о полку Игореве» следует в построении своего произведения определенной традиции своего времени.⁷⁵

⁷¹ Барсов Е В Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружины Руси Т 2 С 83

⁷² М А Яковлев ставил целью «констатировать однородность композиционных приемов Слова и былинного эпоса» (см Яковлев М А «Слово о полку Игореве» и былинный эпос (Их связь со стороны композиционных приемов творчества) Пг, 1923) Он указал на соответствие двух начальных фрагментов «Слова» (по нашему делению, I и II) двум приемам зачина былин, а заключительный фрагмент (прием славлений) — исходу былин Однако есть существенное композиционное различие «Слова» и былин, отмеченное самим Яковлевым отступления («замедления»), встречающиеся в былинах «в примитивном виде», в «Слове» занимают больший объем, чем «динамическое действие» Это объясняется принадлежностью «Слова» и былин к разным родам литературы былины — эпические произведения, «Слово» — лиро-эпическое произведение

⁷³ О композиции «Слова» Даниила Заточника см Соколова Л В К характеристике «Слова» Даниила Заточника (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 46 С 231—233 К указанным мной в этой работе двум уровням композиции следует добавить третий (внутренний) уровень, он, как и первые два, — трехчленный Центральная часть Семантемы включает три части 1) описание Даниилом своего бедственного положения (narratio), перемежающееся с просьбой о помощи (petitio), 2) обоснование того, что князь должен приближать к себе мудрых мужей, и доказательство того, что он сам — один из них (argumentatio), 3) опровержение возможных контрдоводов адресата

⁷⁴ В связи с композицией «Слова о полку Игореве» вопрос о трехчленности произведений торжественного красноречия был затронут в работах И П Еремина и Б Н Двинянинова Но они не говорили о трехуровневой композиции этих произведений

⁷⁵ Тот факт, что нам «не ясны в достаточной степени способы построения текста» «Слова», профессор Пиккио объясняет нашим все еще недостаточным знанием всей письменной традиции Slavica Orthodoxa См Пиккио Р История древнерусской литературы М 2002 С 87 Возможно, однако, что дело не столько в недостаточности материала, сколько в его пока еще недостаточной изученности